

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018927-5

О порядке слов в древнерусских именных группах с местоименными прилагательными (на материале прямой речи “Повести временных лет”)

© 2022 г. В. С. Савельев

Доктор филологических наук,
доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
alfertinbox@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению порядка слов в простых именных группах, включающих в качестве определений местоименные прилагательные, в высказываниях героев “Повести временных лет”. Устанавливается закономерность: местоимениям в анафорической и дейктической функциях свойственно постпозитивное по отношению к главному компоненту местоположение, а местоимениям в катафорической и кванторной функциях — препозитивное. При этом обнаруживается, что изменение данного словоупотребления чаще всего связано с необходимостью коммуникативного выделения компонента словосочетания, перемещаемого в препозицию.

Ключевые слова: “Повесть временных лет”, порядок слов, функции местоимений.

Для цитирования: Савельев В.С. О порядке слов в древнерусских именных группах с местоименными прилагательными (на материале прямой речи “Повести временных лет”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 56–64. DOI: 10.31857/S160578800018927-5

About the Word-Order in Old Russian Noun Phrases with Pronominal Adjectives (on the Material of Direct Speech in “The Tale of Bygone Years”)

© 2022 Victor S. Savelyev

Doct. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
alfertinbox@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the word-order in simple noun phrases, which include pronominal adjectives as definitions, in statements of the characters of “The Tale of Bygone Years” (non-translated dialogic fragments are analyzed). A regularity is established: pronouns in anaphoric and deictic functions are characterized by their common use in postposition relative to the main component, and pronouns in cataphoric and quantifier functions are prepositive usually. It is also established that the main reason for a variation of the usual word-order is the need for communicative highlighting of the component of the phrase moved to the preposition. At the same time, the usual use of quantifiers in preposition is not associated with their communicative selection, but with the fact that, being indicators of referential status, in combination with the components being determined, they form a kind of “complex words”, the “decoding” of the meanings of which in a linear flow of speech implies the first stage of this “decoding” is the establishment of a referential status. The described patterns of the word-order are associated, in our opinion, with the fact that direct speech depicts oral speech, reflecting its linearity: the first in the focus of the listener's attention is the prepositive component, which determines its emphasis — semantic and / or communicative.

Key words: “The Tale of Bygone Years”, word-order, pronoun functions.

For citation: Savelyev, V.S. *O poryadke slov v drevnerusskikh imennykh gruppah s mestoimennymi prilagatelnyimi (na materiale pryamoj rechi "Povesti vremennyh let")* [About the Word-Order in Old Russian Noun Phrases with Pronominal Adjectives (on the Material of Direct Speech in "The Tale of Bygone Years")]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 56–64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018927-5

Вопрос об особенностях и закономерностях словопорядка в словосочетаниях с согласованными определениями неоднократно поднимался в работах историков русского языка. Начиная с Ф.И. Буслаева, еще в 1858 г. отметившего возможность вариативного — препозитивного и постпозитивного — размещения согласованного определения по отношению к главному компоненту в древнерусских текстах ("Слова определительные, означенные прилагательными и местоимениями, также свободно поставляются и перед определяемыми словами, и после них" [1, с. 417]), указавшего на наличие основной модели словопорядка ("Собственное место определительного обыкновенно бывает перед определяемым" [1, с. 417]) и объяснившего отступление от нее необходимостью коммуникативного выделения одного из компонентов ("Превращение этого порядка иногда бывает нужно для выражения самого смысла речи, именно для того, чтобы обратить внимание на определительное слово" [1, с. 417]), исследователи стремятся не только описать порядок слов в подобных словосочетаниях, но и установить его причины. Анализ работ, в которых затрагивается проблема словопорядка в древнерусских атрибутивных словосочетаниях¹, позволяет перечислить те факторы, которые влияют на выбор местоположения согласованного определения:

1) характеристики текста: а) время создания текста, б) место создания текста, в) оригинальный или переводной характер текста, г) особенности языковой системы, реализованной в тексте (регистровая принадлежность текста, в том числе книжный vs. некнижный характер), д) жанровая принадлежность текста, е) особенности идиостиля автора текста;

2) характеристики предложения (высказывания): а) необходимость "смыслового" ("логического", "семантического", "стилистического", "коммуникативного") выделения одного из компонентов, б) функция зависимого компонента ("некоторая предикативность" постпозитивного определения², "собственно указательная" vs. "анафорическая" функция препозитивного vs. постпозитивного указательного местоимения³);

3) характеристики словосочетания: а) количественный состав словосочетания (в том числе наличие одного vs. более одного определения), б) контактный vs. дистантный характер расположения компонентов, в) форма словосочетания (в том числе наличие предлога или повторяющихся предлогов), г) устойчивость употребления (лексикализованные словосочетания, традиционные устойчивые словосочетания, формулы, клише);

4) характеристики главного компонента (слова, используемого в качестве определяемого): принадлежность к определенной лексико-семантической группе (в том числе одушевленность vs. неодушевленность существительного);

5) характеристики зависимого компонента (слова, используемого в качестве определения): а) частеречная принадлежность, б) принадлежность к определенному разряду данной части речи (в частности к качественным vs. относительным vs. притяжательным прилагательным), в) принадлежность к определенной лексико-семантической группе, г) морфемная структура (использование нечленной или членной формы прилагательного; использование прилагательных, образованных с помощью суффикса *-ск-*), д) индивидуальные особенности использования отдельных лексем.

Помимо перечисленных существует еще один фактор, который в силу объективных причин учитывается крайне редко. Речь идет о том, в каком фрагменте текста — нарративном или диалогическом — обнаруживаются согласованные определения. Так, Ф.Р. Минлос, анализируя положение притяжательных местоимений относительно существительных в простых именных группах, включающих существительное и не более одного согласованного определения, указывает на то, что в Галицко-Волынской летописи "среди примеров препозиции местоимения <...> выделяется передача прямой речи: в прямой речи доля препозиции составляет 19% (13 AN, 64 NA), а в авторском тексте 3% (7 AN, 208 NA)", что объясняется установкой летописца на передачу устной речи, однако данное положение дел "не является универсальным для летописных текстов. Так, в Новгородской первой летописи по Синодальному списку в авторском тексте 50% (59 из 120) простых групп содержат препозицию

¹ Подробное описание истории вопроса см. в работах [2, с. 3–12], [3, с. 13–49].

² См. [4, с. 223].

³ См. [5, с. 195].

местоимения, в прямой речи этот показатель составляет 49% (20 из 41), т.е. почти в точности то же самое” [6, с. 241, 242].

Выборочный анализ непереводаемых статей “Повести временных лет” по Ипатьевскому списку, включающих как нарративные, так и диалогические фрагменты, подтверждает гипотезу Ф.Р. Минлоса о более частом использовании препозитивных притяжательных местоимений в прямой речи. При этом, что существенно, данное соотношение обнаруживается во фрагментах, изображающих коммуникацию как светских, так и церковных лиц. Так, в статье 6453 (945) года, включающей диалоги кн. Ольги и древлян, в репликах героев препозитивны 24% притяжательных местоимений (6 из 25), а в нарративных фрагментах – 10% (2 из 20); во фрагменте статьи 6582 (1074) года, включающей диалоги прп. Феодосия и братии монастыря (от “**Снѣ проуѣхъвѣ братѣю**” до “**на хвалѣ Гѣу нашѣму Гѣсу Хѣу**”), в репликах героев препозитивны 36% притяжательных местоимений (5 из 14; объем прямой речи 278 слов), а в нарративных фрагментах – 20% (1 из 5; объем нарратива 412 слов); во фрагменте статьи 6601 (1093) года, включающей диалоги князей и княжих мужей (от “**Приде Гѣѣполкъ Кнѣву**” до “**за оумноженѣ безаконни наши**”), в репликах героев препозитивны 33% притяжательных местоимений (1 из 3; объем прямой речи 97 слов), а в нарративных фрагментах – 0% (0 из 14; объем нарратива 673 слова).

В связи с этим представляется интересным установить, какие факторы оказывают влияние на выбор местоположения согласованных определений в высказываниях летописных героев, учитывая, что одной из задач летописца является изображение их устной речи.

В качестве материала исследования нами были выбраны 323 непереводаемых диалогических фрагмента “Повести временных лет”⁴, а объектом исследования стали местоименные прилагательные (далее – местоимения), входящие в качестве согласованных определений в состав простых

⁴ О принципах отнесения диалогических фрагментов летописи к непереводаемым см. [7, с. 34–41].

Использовался текст “Повести временных лет” по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, воспроизведенной в издании [8]. При разбивке текста на предложения и расстановке пунктуационных знаков, отсутствующих в летописи, использовались данные академического издания [9], подготовленного Д.С. Лихачевым, а также изданий [10] и [11]. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в летописи византийскому летосчислению и летосчислению от Рождества Христова).

именных групп, включающих контактно расположенные компоненты, в прямой речи летописных героев.

Как показал анализ материала, одним из главных факторов, влияющих на порядок слов в рассмотренных словосочетаниях, является то, в какой функции используется местоимение:

Лексема	Количество простых именных групп	Препозиция местоимения (%)	Постпозиция местоимения (%)
Анафорическая функция			
свои	83	13 (16%)	70 (84%)
сакыи	1	1 (100%)	0 (0%)
такыи	3	1 (33%)	2 (67%)
все лексемы	87	15 (17%)	72 (83%)
Дейктическая функция			
мои	68	10 (15%)	58 (85%)
твои	39	6 (15%)	33 (85%)
нашь	48	9 (19%)	39 (81%)
вашь	26	7 (27%)	19 (73%)
сии	37	16 (43%)	21 (57%)
оныи	4	4 (100%)	0 (0%)
тотъ	9	2 (22%)	7 (78%)
все лексемы	231	54 (23%)	177 (77%)
Катафорическая функция			
коликъ	2	2 (100%)	0 (0%)
которыи	1	1 (100%)	0 (0%)
кыи	3	3 (100%)	0 (0%)
такыи	2	1 (50%)	1 (50%)
все лексемы	8	7 (88%)	1 (12%)
Кванторная функция			
вьсь	19	15 (79%)	4 (21%)
вьсакъ	2	2 (100%)	0 (0%)
вьсакыи	1	1 (100%)	0 (0%)
другыи	2	2 (100%)	0 (0%)
единъ, одинъ (в значении “общий”)	4	4 (100%)	0 (0%)
единъ, одинъ (в значении “единственный”)	5	1 (20%)	4 (80%)
инъ	10	10 (100%)	0 (0%)
какыи	1	0 (0%)	1 (100%)
которыи любо	1	1 (100%)	0 (0%)

кыйждо	1	1 (100%)	0 (0%)
толикъ	1	1 (100%)	0 (0%)
тотъ же	1	1 (100%)	0 (0%)
все лексемы	48	39 (81%)	9 (19%)

Как мы видим, обнаруживается следующая закономерность: **согласованным определениям-местоимениям в анафорической и дейктической функциях свойственно постпозитивное употребление, а в катафорической и кванторной функциях — препозитивное.** С чем это может быть связано?

* * *

Местоимения в **анафорической и дейктической функциях** в большинстве случаев постпозитивны по отношению к главным компонентам:

а) местоимения в анафорической функции:

<1> И послаша киянѣ къ Сѣтѣ славу, глаголюще: “<...> Аще ти не жалѣ отъчины своѣѣ <...>?” (6476 / 968);

<2> Философъ же рече: (1) “Вонистину в того вѣрѣмъ, тѣхъ во прѣрци прорѣкоша, яко Бѣ родитиса, а другии – распѣхъ быти и третии днѣ въскрѣснѣти и на небеса възити <...>”. Рече же Володимиръ: (2) “Что ра^а сниде Бѣ на землю и страсть такѣ приатъ?” (6494 / 986);

б) местоимения в дейктической функции:

<3> И призва старѣишину конюхомъ, рече: “Кдѣ есть конь мой <...>?” (6420 / 912);

<4> И посла к Роговолоду ^{кнѣзю} Полотѣскѣ, глаголю: “Хощю поати дщерь твою женѣ” (6488 / 980);

<5> Рѣкоша русѣ чюдѣ, словенѣ, кривичи и вса: “(1) Земля наша велика и обилна, (2) а народа въ ней нѣтъ <...>” (6370 / 862);

<6> Рече Володимиръ: (2) “Кака есть вѣра ваша?” (6494 / 986);

<7> И воевода нача Сѣтѣ полкъ, пазѣ възлѣ вѣрегъ, оукарати новгородци, глаголю: “Что приндѣсте с хромьцемъ симъ <...>? <...>” (6524 / 1016);

<8> Оугра же рекоша отроку моему: “(1) Дивно находимъ мы чюдо ново <...>: (2) суть горы зандуче в лѣкѣ морѣ, (3) имже высота акы до нѣби, (4) и в горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ <...>” (6604 / 1096).

Особняком стоит использование всегда препозитивных местоимений *сакыи* и *оныи*:

<9> Володимеръ же слышавъ, яко гатъ есть Василко и всѣ плень, оужасася и въспласа вельми ї рече: “Сего не было есть оу Русьскон земли ни при

дѣдѣхъ нашихъ, ни при вѣтѣхъ нашихъ сакого зла” (6605 / 1097);

<10> И въстѣжиша лю^ае в городѣ и рѣкоша: “(1) Нѣ ли коѣ, (2) иже бы на внѣ странѣ могъ донти <...>?” (6476 / 968).

Препозитивное использование местоимений в дейктической и анафорической функциях является редким и в большинстве случаев связано с таким отношением данного высказывания к предшествующим или последующим с учетом релевантности произносимого, которое позволяет оценить местоимение в качестве **коммуникативно выделяемого компонента темы или ремы**⁵ высказывания:

а) местоимения в анафорической функции:

<11> Феодосии же рече имъ: “(1) Да аще ѿ мене хощете игумена приати, (2) то азъ створю вамъ, (3) но не по своему (ВКР) изволенію (Р), (4) по Бжю (ВКР) строеныю (Р)” (6582 / 1074) – противопоставляется *свое* изволение и *Божие* строение;

<12> Мьстислав же <...> рече: “(1) Кто сему не ра? (2) Се лежитъ сѣверанинъ, (3) а се варагъ, (4) а своя (ВКТ) дружина (Т) цѣла (Р)” (6532 / 1024) – противопоставляются *чужие* воины (северяне, варяги) и *своя* дружина;

б) местоимения в дейктической функции:

<13> Іанъ же <...> рече имъ: “(1) Выданте волхъва та сѣмо, (2) яко смерда есть (Т) моего (ВКР) князѣ (Р)” (6579 / 1071) – обоснованность требования Яня Вышатича связана с тем, что волхвы являются смердами именно *его* князя (в противном случае выдать их было бы нельзя);

<14> Дѣдъ же на Сѣтѣ полка нача извѣтъ творити, глаголю: “(1) Ци ѣ (ВКР) (Р) се створилъ (Т), (2) ци ли оу моемъ (ВКР) городѣ (Р)? <...>” (6605 / 1097) – кн. Давид пытается оправдаться, указывая, что злодеяние свершилось не в *его* городе (он не несет ответственности за то, что произошло не в *его* городе);

<15> И рече Сѣтѣ полкъ: (1) “<...> (1.1) И не пазъ его слѣпилъ, (1.2) но Дѣдъ, (1.3) ї велъ и к собѣ”. И рѣша мужи Володимери, и Дѣдѣ, и Влговнѣ: (2) “<...> (2.1)

⁵ Далее используются сокращения: тема – Т, рема – Р, коммуникативно выделяемый компонент темы – ВКТ, коммуникативно выделяемый компонент ремы – ВКР.

О принципах определения коммуникативной структуры летописных высказываний см. [7, с. 367–378].

О коммуникативно выделяемых компонентах (в т.ч. историю вопроса и обзор работ, в которых указываются средства выделения ВКТ и ВКР в древнерусском высказывании) см. [7, с. 393, 394].

не в Давы^авѣ (ВКР) градѣ (Р) ѿтъ (ВКТ) естъ (Т), (2.2) ни ѡслѣплень, (2.3) но въ твоёмъ (ВКР) городѣ (Р) ѿтъ (Т) (2.4) и ѡслѣплень” (6605 / 1097) — оправдания кн. Святополка Изяславича не приняты, поскольку злодеяние совершилось именно в его городе (при этом говорящий противопоставляет определения в (2.1) и (2.3): *не в Давыдове* vs. *в твоём*);

<16> И ркоша деревляни: «(1) Посла ны Деревьск^а землѣ, (2) ркѹщи сице: “(3) Мѹжа твоего оубихомъ, (4) башеть бо мѹжъ твои, ꙗко волкъ, въсхыщѣа и грабѣ, (5) а наши (ВКТ) князи (Т) добри (ВКР) сѹтъ (Р) <...>”» (6453 / 945) — противопоставляются муж кн. Ольги — муж твои (3, 4) — и наши князья (5);

<17> Уни же ркоша: (1) “<...> но понесите ны в лодыи”. Ркоша же кнѣзѣ: (2) “(2.1) Намъ неволя: (2.2) князь наш оубитъ, (2.3) а княгини наша (Т) хощеть за вашъ (ВКР) князь (Р)” (6453 / 945) — в (2.3) значимо соотнесение дейктиков: *наша* княгиня станет женой *вашего* князя — данное положение дел является причиной того, что говорящий должен (нам неволя) следовать распоряжению древлян;

<18> И приѣха князь печенѣскыи к рѣцѣ и возва Володимира и рѣе емѹ: “<...> (1) Да аще твои (ВКР) мѹжъ (Р) оударитъ моимъ (Т), (2) да не воюемъса за три лѣта разнидошасѣ раздно. (3) Аще ли нашъ (ВКР) мѹжъ (Р) оударитъ вашимъ (Т), (4) да воюемъ за три лѣта” (6501 / 993) — данный пример примечателен тем, что вне зависимости от того, как оценить коммуникативную структуру (1) и (3)⁶, значимым оказывается противопоставление дейктиков *твой* и *наш*: определяющим для дальнейшего развития событий является то, *чей* муж одержит победу в поединке;

<19> И прѣха на мѣсто, идеже бахѹ лежаще кости его голы и лобъ голъ, и, слѣзъ с конѣ, посмѣясѣ, рка: “У сего (ВКР) ли лѣва (Р) смѣртъ мнѣ взати (Т)?” (6420 / 912) — “верифицируется” информация о том, *этот* ли череп должен стать причиной гибели;

<20> “<...> (1) На ^емъ (ВКТ) же свѣтъѣ (Т) аще вѹдеѣ кто оубогъ (Р), (2) то и тамо (Р) <...>” (6494 / 986) — говорящий сопоставляет жизнь на *этом* свете и на *том*;

<21> И рѣе варягъ: (1) “(1) Не сѹтъ то вѣи, но древо <...> (2) А Бѣ единъ естъ <...>, (3) иже створилъ нѣбо, и землю, и члѣва, и зѣвѣзды, и слнѣце, и лѹнѹ (4) и далъ естъ жити на земли. (5) А си (ВКТ) вѣи

(Т) что сдѣлаша (Р)? <...>” (6491 / 983) — противопоставляются *эти* лже-боги, упомянутые ранее, и единственный истинный Бог;

<22> Съ слезами ѡвѣщевахѹ другѹ другѹ, глѣще: (1) “Азъ⁷ вѣхъ (Т) сего (ВКР) города (Р)”, а другини: (2) “Изъ сего (ВКР) села (Р)” (6601 / 1093) — важно не то, что собеседники жили в городе и селе, а то, в каких именно городе и селе они жили;

<23> Князь печенѣжскыи <...> рѣе: (1) “Кто се приде?” И рѣе емѹ: (2) “Лю^ае ^унога (ВКР) страны (Р)” (6476 / 968) — воеводе Претичу важно сообщить печенежскому князю, что они пришли с *того* берега Днепра, т.е. не вышли из осажденного Киева, а пришли на подмогу. Данный пример (см. также <10>) объясняет, почему во всех случаях использования слово *оныи* препозитивно: в каждом из высказываний оно выделяется как ВКТ или ВКР⁸.

Попутно заметим, что подсчеты показывают, что в составе местоимений-дейктиков можно выделить две группы: личные местоимения *мои*, *твои*, *нашъ*, *вашъ* употребляются в постпозиции намного чаще, чем не-личные *сии*, *оныи*, *тотъ* (соответственно 82% и 56%) — использование последних в качестве ВКТ или ВКР оказывается более частым.

Во всех ли случаях препозитивные определения в дейктической и анафорической функциях могут быть определены как ВКТ или ВКР? В ряде высказываний установление их статуса проблематично. Приведем несколько примеров:

<24> Ульга же рѣе имъ: “(1) Се оуже (ВКТ) сѣ есте (Т) покорилъ мнѣ и моёмѹ дѣтати (Р), (2) а идете в городъ <...>” (6454 / 946) — возможно, кн. Ольга хочет обратить внимание древлян на то, что они покорились не только ей, но и (вернее *именно*) *ее* ребенку (= будущему князю), но утверждать это с уверенностью нельзя;

<25> Съзва Вѣлѡ^амеръ воары свои и старци гра^аскыи и рѣе имъ: “<...> (1) И чю^ано слышат^и нѣ: “(2) Да аще кто, дѣетъ (Т), в нашу вѣрѹ стѹпи^и (Р) <...>”» (6495 / 987) — возможно, в контексте странного рассказа кн. Владимира о верах приводимые им слова греков *наша вера* можно оценить как противопоставление другим верам, о которых было сказано ранее, однако объективных оснований для этого нет;

<26> И почаша гасты первое сами, потом же и печенѣзѣ. И оудившасѣ, рекоша: “(1) Не имѹтъ (ВКР) семѹ вѣры (Р) наши князи (Т), (2) аще не

⁶ Актуальное членение высказываний вариативно; ср. с возможным (1) Да аще твои (ВКТ) мѹжъ (Т) оударитъ моимъ (Р); (3) Аще ли нашъ (ВКТ) мѹжъ (Т) оударитъ вашимъ (Р).

⁷ Чтение Лаврентьевского списка летописи.

⁸ Этим же объясняется и препозиция *сакыи* в <9>.

гадѣть сами (ВКР) (Р)” (6505 / 997) — вряд ли подразумевается, что недоверчивость свойственна именно *нашим* князьям (в отличие от чьих-то чужих доверчивых князей).

Тем не менее, на наш взгляд, можно предположить существование определенной тенденции, подтверждаемой большинством примеров: “перемещение” определения в дейктической и анафорической функциях в препозицию обычно связано с необходимостью акцентирования внимания собеседника на информации, которую оно несет, и, соответственно, про такое определение можно сказать, что оно коммуникативно маркировано.

* * *

Местоимения в **катафорической функции**, за исключением <32>, всегда препозитивны. Связано это с тем, что они употребляются в реме диктального вопроса, задавая который говорящий имеет целью получить информацию, на незнание которой указывает именно определение-катафора. Таким образом, эти определения во всех случаях используются как коммуникативно выделяемые компоненты:

<27> Рѣ же Володимиръ: (1) “То въ кое (ВКР) времѣ (Р) събыѣтъся се (Т)? <...>” (6494 / 986);

<28> І рѣ емѹ Изяславъ: “<...> (1) Первое бо не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбѣша? (2) И паки (Т) кѹю (ВКР) винѹ створиѣ есмь (Р)? <...>” (6579 / 1071);

<29> Рѣ же нма Іанъ: “<...> Которомѹ (ВКР) Бѹ (Р) вѣрѹета (Т)?” (6579 / 1071).

Примечательно, что на местоположение местоимения не влияет то, что оно может использоваться в косвенном речевом акте в качестве квантора, как это происходит в <28> (“Кѹю винѹ створиѣ есмь?” = “Никакой моей вины нет”) и в обоих случаях употребления слова *коликѹ*:

<30> И рѣста ен врата: “<...> (1) Видиши ли, (2) колико (ВКР) зѣло створиша рѹсь грѣкомъ? <...>” (6496 / 988) (“*колико зѣло*” = “много зла”);

<31> Не рѣ бо емѹ: “(1) Колко (ВКР) зѣло створиша мнѣ, (2) и се ннѣ товѣ са приключи” (6586 / 1078) (“*колко зѣло*” = “много зла”).

Единственное постпозитивное использование катафорического местоимения связано с обычно употребляемым в анафорической функции словом *такѹи*, которое в качестве катафорического элемента используется не как вопросительное, а как соотносительное с постпозитивным придаточным (4) слово:

<32> Блажѣныи кнѣзь Іарополкъ <...> моляше Бѣ всегда, глѣ: “(1) Гѣн, Бѣ мон, Гѣсть Хѣе! (2) Прими матѣвѹ мою (3) І дан же ми смѣртѣ такѹ, (4) такоже вдалѣ еси братѹ моемѹ Борисѹ и Глѣбови <...>” (6579 / 1071).

* * *

Согласованным определениям-кванторам свойственно препозитивное по отношению к определяемому компоненту местоположение:

<33> И послаша к нѣмѹ, глѣще: “(1) По что идѣши впаѣть? (2) Понмалѣ еси всю данѣ” (6453 / 945);

<34> Уни же рѣша, тако: “<...> (1) Всѣмѹ во члѣвкѣ, (2) аще преже вкѹсѣтъ сладка, (3) послѣдн же не можетъ горѣсти припати <...>” (6495 / 987);

<35> Семѹ же ми са дивлящѹ, рекоша ми: “(1) Се не дивно. <...> (2) Спаде тѹча, (3) и в тон тѹчи спаде вѣверица млада <...> (4) И паки бываеѣтъ дрѹга тѹча, (5) и спадають оленци мали в нѣи <...>” (6622 / 1114);

<36> И еще живѹ сѹщѹ емѹ, наряди снѣи своѣи, рекы имѣ: “<...> (1) Вы, снѣовѣ мон, имѣите межн собою любовѣ, (2) понеже вы естѣ братѣи одиного уѣа и единои мѣрѣ <...>” (6562 / 1054);

<37> И се рекѣ имѣ, рѣ имѣ: “(1) Живете всѣмѣ, (2) поставлю вы игѹмена, (3) и самѣ хощѹ въ инѹ горѹ сѣсти одинѣ <...>” (6559 / 1051);

<38> И придохѣ к немѹ, и сѣдахѹ дрѹжина около его, и посади ма и рече ми: “<...> (1) Уже хощѣши послати мѹжа своего, (2) и воротѣса Володимерѣ, (3) то вдам ти которыи любо городѣ: (4) любо Всеволожѣ, (5) любо Шепольѣ, (6) любо Перемильѣ” (6605 / 1097);

<39> Слышавѣ же Іарославѣ вѣлѣхѹ ты, и приде к Сѹждаю, изыма волѣхѹ, расточи, а дрѹгнѣа показни, рекѣ сице: “Бѣ наводитѣ по грѣхомѣ на коѹюжѣ⁹ землю гладомѣ, или моромѣ, или ведромѣ, или иною казнью <...>” (6532 / 1024);

<40> И вѣпросѣша колодникѣ, глѣще: “(1) Како васѣ толка сила и многое множество, (2) не могостѣ са противити <...>?” (6619 / 1111);

<41> По семѣ прислаша грѣци кѣ Володимерѹ философа, глѣще сице: “(1) Слышахомѣ, (2) тако приходили сѹтъ болгарѣ, (3) оучаѣѣ та принати вѣрѹ свою. <...> (4) Тако же и жены нѹхѣ твораѣ тѹ же скѣѣрнѹ и ино же пѹще <...>” (6494 / 986).

⁹ Чтение Хлебниковского и Лаврентьевского списков летописи.

Использование кванторов в постпозиции является крайне редким и может быть объяснено по-разному.

Постпозиция квантора *весь* во всех случаях связана с особенностями коммуникативной структуры высказывания:

<42> **И рече Речеда къ Мьстиславу:** “<...> (1) **Да аще** **удолбешь ты**, (2) **и возмешь имѣние мое**, (3) **и жену мою**, (4) **и землю мою**. (5) **Аще ли азъ** **удолбю**, (6) **то возмю (Т) твое (ВКР) все (Р)**” (6530 / 1022) — прямое дополнение-дейктик *твое* передает информацию коммуникативно более значимую, чем определение-квантор *все*: именно дополнение противопоставлено произнесенному ранее *имѣние мое*, *и жену мою*, *и землю мою* и может быть оценено как коммуникативно выделяемый компонент;

<43> **И не послуша сего, помышляа:** (1) “<...> (1) **Аще кто на кого** **будеть**, (2) **хрестъ (Р) на того (Т) (3) и мы (ВКР) вси (Р)**” (6605 / 1097) — коммуникативно выделяются слова, называющие объединяемые в общем действии субъекты, — *хрестъ* и *мы*.

Местоположение квантора *единъ (одинъ)* позволяет различить значения, выражаемые им: препозитивное *единъ (одинъ)* означает “общий” (см. <36>), постпозитивное — “единственный”:

<44> **Іанъ же рече:** “(1) **Поистинѣ** **ажете:** (2) **створишь бо есть Бѣ члвкъ ѿ землѣ** <...> (3) **и не вѣсть (ВКР) (Р) ничтоже (Т)**, (4) **токмо Бѣ единъ (Р) вѣсть (Т)**” (6579 / 1071) — существенно противопоставление ничего не знающего человека и все знающего Бога;

<45> **И рече Болеславъ:** “(1) **Аще вы сего оукора вы не жалъ**, (2) **азъ единъ** **погибну**” (6526 / 1018) — противопоставляются субъекты — *вы* и *азъ*.

Исключением служит препозитивное использование *единъ (одинъ)* “единственный” в <46>, объясняемое особенностями коммуникативной структуры высказывания:

<46> **Исакии же рече:** “(1) **Се оуже прельстилъ ма еси, дьяволе**, (2) **сѣдѣща на единомъ мѣстѣ**, (3) **а оуже не имамъ затворитисѣ в пещерѣ** <...>” (6582 / 1074) — коммуникативно значимо указание на затвор прп. Исакия — его пребывание в *одном-единственном* месте.

В отношении постпозитивного употребления квантора *какихи* можно предположить, что выбор его местоположения связан с реализацией катифорической (препозиция; см. <47>) или кванторной (постпозиция; см. <48>) функций:

<47> **Внъ же рече:** “(1) **То каки сѣть вѣи** **ваши**, (2) **кде живѣть?**” (6579 / 1071)¹⁰;

<48> **Володимеръ же и Дѣдъ и Влегъ послаша мужѣ свои къ Стѣполку, гл҃ше:** “<...> (1) **Аще вы ти вина какаѣ** **была на нь**, (2) **увличилъ бы пред нами** <...>” (6605 / 1097).

* * *

Как показал анализ материала, в ряде случаев можно говорить о **нейтрализации функций** местоимений: анафорические *сакыи* и *такыи* отсылают к текстовым antecedентам, однако в то же время *сакыи* определяет событие, имеющее отношение непосредственно к говорящему (*сакое зло* в <9>), а *такыи* — событие “внешнее” (*страсть така* в <2>) (нейтрализация дейктической и анафорической функций); выбор между дейктиками *сии* и *тотъ* всегда определяется “степенью близости” к говорящему, однако нередко он осуществляется в таких контекстуальных условиях, когда одновременно происходит отсылка к antecedенту (*си бози* в <21>, *горы ты* в <8> и *та туча* в <35>) (нейтрализация дейктической и анафорической функций). Наиболее интересны в этом отношении два примера: в <22> слово *сии* используется говорящим как дейктик (“*Я был из этого города*”. — “*А я из этого села*”), но воспринимается читателем скорее как квантор (“*Я был из такого-то города*”. — “*А я из такого-то села*”); в <41> слово *тотъ же* используется как квантор, устанавливающий тождество характеристик разных объектов, однако в то же время отсылает к antecedенту (*та же сквърна*) (нейтрализация кванторной и анафорической функций). Обращает на себя внимание то, что и в <22>, и в <41> местоимения используются в препозиции, что свойственно кванторам.

* * *

Проведенный анализ позволил выделить в летописных высказываниях группы местоименных прилагательных, местоположение которых по отношению к определяемому компоненту зависит от а) их функциональной нагрузки и б) коммуникативной роли в высказывании.

1. Местоимения в дейктической и анафорической функциях в большинстве случаев постпозитивны; “перемещение” их в препозицию чаще всего связано с тем, что они используются как коммуникативно выделяемые компоненты.

¹⁰ Фрагмент отсутствует в Ипатьевском, но обнаруживается в Лаврентьевском списке летописи.

2. Местоимения в катафорической функции почти всегда препозитивны, и это связано с тем, что они, будучи “вопросительными словами”, маркирующими иллокутивную функцию диктальных вопросов, являются коммуникативно выделяемыми компонентами.

3. Слова в кванторной функции в большинстве случаев используются в препозиции. Связано это не с их коммуникативным выделением, но с тем, что, будучи показателями референциального статуса, они образуют в сочетании с определяемыми компонентами своеобразные “сложные слова”, “расшифровка” значений которых в линейном потоке речи подразумевает в качестве первого этапа этой “расшифровки” установление именно референциального статуса. Наоборот, постпозитивное использование определений-кванторов позволяет определяемым словам выйти на “первый коммуникативный план” в тех случаях, когда, например, их необходимо противопоставить компонентам предшествующих высказываний.

Таким образом, местоположение согласованного определения в равной степени может быть связано с особенностями коммуникативной структуры высказывания (местоимения в дейктической, анафорической и катафорической функциях) и его семантического строя — референциального статуса актантов и пропозитивного содержания (местоимения в кванторной функции). При этом нарушение “обычного” порядка слов в словосочетаниях с согласованными определениями связано с достижением коммуникативных целей говорящего: “перемещение” одного из компонентов (главного или зависимого) в препозицию приводит к его коммуникативному выделению.

Описанные закономерности словоупотребления в рассмотренных словосочетаниях могут быть связаны, на наш взгляд, с тем, что прямая речь изображает устную речь, отражая ряд ее особенностей, в частности ее линейность: первым в фокусе внимания слушающего оказывается препозитивный компонент, что обуславливает его выделенность — семантическую и/или коммуникативную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть II. Синтаксис. М.: Университетская типография, 1858.
2. Улитова А.С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и

книжной письменности XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2016.

3. Казаковцева О.С. Расположение компонентов атрибутивного словосочетания в древнерусских памятниках XI—XIII веков (на материале текстов эпистолярного жанра и древнерусского красноречия). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Петрозаводск, 2019.
4. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов: Издание Львовского государственного университета, 1949.
5. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953.
6. Минлос Ф.Р. Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов // Исследования по славянской диалектологии. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М.: Институт славяноведения РАН, 2012.
7. Савельев В.С. Изображение устной коммуникации в “Повести временных лет”. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2021.
8. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908.
9. Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачева. Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
10. Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. М.: “Языки славянских культур”, 2006.
11. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI—XII века. СПб.: Наука, 2000.

REFERENCES

1. Buslaev, F.I. *Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelej. Chast II. Sintaksis* [Experience in the Historical Grammar of the Russian Language. A Textbook for Teachers. Part II. Syntax]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1858. (In Russ.)
2. Ulitova, A.S. *Poryadok slov v atributivnykh slovosochetaniyakh v pamyatnikakh russkoj delovoj i knizhnoj pismennosti XVII veka. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Word

- Order in Attributive Phrases in Monuments of Russian Business and Book Writing of the 17th Century. The Candidate of Philological Sciences Diss]. Moscow, 2016. (In Russ.)
3. Kazakovtseva, O.S. *Raspolozhenie komponentov atributivnogo slovosochetaniya v drevnerusskikh pamyatnikah XI–XIII vekov (na materiale tekstov epistolyarnogo zhanra i drevnerusskogo krasnorechiya). Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The location of the Components of the Attributive Phrase in Ancient Russian Monuments of the 11th–13th Centuries (Based on the Texts of the Epistolary Genre and Old Russian Eloquence). The Candidate of Philological Sciences Diss]. Petrozavodsk, 2019. (In Russ.)
 4. Borkovsky, V.I. *Sintaksis drevnerusskikh gramot (prostoe predlozhenie)* [Syntax of Old Russian Letters (Simple Sentence)]. Lviv, Izdanie Lvovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1949.
 5. Yakubinsky, L.P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [History of the Old Russian Language]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1953. (In Russ.)
 6. Minlos, F.R. *Pozitsiya prityazhatelnogo mestoimeniya i yazykovye registry drevnerusskikh tekstov* [Possessive Pronoun Position and Linguistic Registers of Old Russian Texts]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. 15. Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoj i literaturnoj form yazyka v slavyanoyazychnoj srede* [Studies in Slavic Dialectology. 15. Features of the Coexistence of Dialect and Literary Forms of Language in the Slavic Environment]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2012. (In Russ.)
 7. Savelyev, V.S. *Izobrazhenie ustnoj kommunikacii v "Povesti vremennyh let". Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk* [The Description of Oral Communication in The Tale of Bygone Years. The Doctor of Philological Sciences Diss]. Moscow, 2021. (In Russ.)
 8. *Polnoe sobranie russkikh letopisej, izdannoe po Vyschajshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arkheograficheskoyu Komissieyu. Tom vtoroj. Ipatjevskaya letopis. Izdanie vtoroe* [Complete Collection of Russian Chronicles, Published by Imperial Order by the Imperial Archaeographical Commission. Volume Two. Hypation Chronicle. Second Edition]. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)
 9. *Povest vremennyh let. Chast pervaya. Tekst i perevod* [The Tale of Bygone Years. Part One. Text and Translation]. Moscow–Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1950. (In Russ.)
 10. Bugoslavsky, S.A. *Tekstologiya Drevnej Rusi. Povest vremennyh let* [Textology of Ancient Russia. Tale of Bygone Years]. Moscow, "Yazyki slavyanskikh kultur" Publ., 2006. (In Russ.)
 11. *Povest vremennyh let* [The Tale of Bygone Years] *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. I. XI–XII veka* [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. I. The 11th–12th Centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 01 ноября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 ноября 2021 г.

Статья принята к публикации: 02 декабря 2021 г.

Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on November 01, 2021

Revised on November 20, 2021

Accepted on December 02, 2021

Date of publication: February 28, 2022